
НОУ-ХАУ В МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ: НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИЛИ РИСКОВАННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ?

Е.А. Балакирева

В статье рассматриваются проблемы молодежной политики, актуализированные в связи с широким обсуждением в масс-медиа и повышением внимания к так называемой «молодежной активности». Используя данные эмпирических исследований на региональном уровне, автор предпринимает попытку представить не только социологический анализ текущей ситуации, но и административное видение ее основными акторами на уровне областной администрации. В статье также критически рассматривается Стратегия государственной молодежной политики и новые инструменты работы с молодежью. Автор формулирует собственное видение ресурсов компетентной молодежной политики.

Ключевые слова: молодежная политика, молодежная активность, Стратегия государственной молодежной политики, взаимодействие науки и власти

Молодежная политика – одна из центральных тем, обсуждаемых сегодня в научном и медиа-пространствах¹. Причин тому несколько, однако главная – необыкновенная актуализация вопроса так называемой «молодежной активности». Аналитики и журналисты вовремя поняли, что сейчас обсуждение молодежного вопроса дает высокие показатели рейтингов, политики – что на фоне дискуссий можно преподнести себя с выгодной стороны, а то и заручиться поддержкой этих «модных» молодых сил. Социологи,

¹ Статья основана на результатах исследования НИЦ «Регион» «Молодежь Ульяновской области: проблемы и перспективы» (по заказу Комитета по молодежной политике Ульяновской области, 2005 год) и экспертных интервью со специалистами по работе с молодежью разных ведомств и уровней. Это дает возможность не только представить социологический анализ ситуации и но продемонстрировать ее видение администраторами на местном уровне.

почувствовав свежий ветер с «поля», тоже не упускают возможности влиться каждый со своим дискурсом и исследовательским подходом. Молодежь, будучи сама по себе выдающимся культурным и социополитическим явлением, становится знаком эпохи, а различные феномены молодежной культуры вызывают широкий общественный резонанс. На ток-шоу с громкими названиями обсуждаются проблемы фашизма или пивного алкоголизма в молодежной среде, академические семинары поднимают темы менее популярны – роль молодежи в формирующейся политической системе, особенности молодежной толерантности. Не стоит забывать и об административных структурах, призванных заниматься молодежной политикой. Региональные комитеты по делам молодежи также имеют свою точку зрения, и хочется надеяться, что их видение ситуации (несмотря на недостаточную представленность в информационном пространстве) оказывает хоть какое-то влияние на происходящие с молодежью перемены.

В первую очередь необходимо учитывать, что сам термин «молодежная политика» говорит о выделении в качестве объекта целенаправленного государственного регулирования группы именно по возрастному признаку. Истоки молодежной политики можно увидеть в государственных мерах, направленных на защиту несовершеннолетних в сфере труда в XIX веке, которые первоначально не представляли отдельного направления политики, но постепенно расширились и переросли в систему снятия конфликтов в обществе и систему надзора за молодежью. Концептуально государственная молодежная политика начала оформляться в 1920-е годы прошлого века и привела к формированию двух систем: в основе одной из них лежали идеи социальной педагогики и правового государства (Германия), а вторая – служила инструментом реализации идеологии правящей партии (комсомол в Советском Союзе) [Ковалева, Луков, 1999. С. 303]. В современной ситуации молодежная политика как отдельно оформленное и действующее направление государственной политики существует практически во всех странах с развитыми рыночной экономикой и гражданским обществом.

Относительно общее определение молодежной политики заключается в том, что она «представляет собой деятельность государства, политических партий, общественных объединений и других субъектов общественных отношений, имеющую целью определенным образом воздействовать на социализацию и социальное развитие молодежи, а через это – на будущее состояние общества» [Ковалева, Луков, 1999. С. 302]. Подобные определения молодежной политики соответствуют официальной идеологии и даются в государственных документах: «Государственная молодежная политика – это внутренняя политика государства по регулированию отношений молодежи и государства. Молодежь – объект национально-государственных интересов, один из главных факторов обеспечения развития российского государства и общества. Молодежь несет особую ответственность за сохранение и развитие своей страны, за преемственность исторического и культурного

наследия, за возрождение своего Отечества» [Концепция... 2001]. Стремление обеспечить гарантированно благополучное будущее путем вклада ресурсов в современную молодежь – одна из возможных современных концепций этой деятельности. Сущность другого, «неофициального» варианта заключается в восприятии молодежи как группы, потенциально опасной для действующей власти, и в этом случае цели и задачи молодежной политики направляются на то, чтобы обезопасить себя «здесь и сейчас». Особенно актуальной и очевидной такая формулировка / интерпретация стала во время и после «цветных революций». Как правило, действующая власть не признает за собой такую слабость – бояться и «обороняться» от собственной молодежи, а, например, не от внешнего врага. В этом случае «основной задачей, которая реально ставится перед ГМП, есть поддержание молодежной среды в пассивном состоянии» [Гаврилов, 2005].

О приоритетности темы молодежной политики в общественной сфере свидетельствует достаточно большое количество дискуссий, организуемых как государственными, так и общественными и академическими структурами. Волна обсуждений молодежной политики была вызвана предложением Министерства образования РФ обсудить проект Стратегии государственной молодежной политики, разработанный в Департаменте государственной молодежной политики, воспитания и социальной защиты детей. Широкий резонанс, который получило обсуждение этого документа, свидетельствует о несомненном интересе общественности к попыткам наладить систематическое регулирование в этой области. Официальные мероприятия, кроме решения внутренних организационных задач, также уделяют внимание и общим вопросам, и проблемам молодежной политики. Примером может служить проведение круглых столов на социально значимые темы (проблемы сельской молодежи, трудоустройство, проблемы молодых семей) во время Форума молодежи в Ульяновской области в сентябре 2005 года, организованного Комитетом по молодежной политике Ульяновской области. Академические круги акцентируют внимание на других вопросах: молодежь в фокусе влияния политических технологий и новых партийных призывов, ценности и фобии российской молодежи, реальная сила молодежных объединений (семинар «Молодежь и политика», сентябрь 2005 года, организатор – Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)); эффективность работы традиционных и перспективы новых институтов реализации молодежной политики, целевая аудитория развития молодежной политики в России (заключительное заседание молодежного дискуссионного клуба «Новые горизонты», Сибирская академия государственной службы, май 2006 года).

В средствах массовой информации обсуждаются совсем другие темы, связанные не столько с молодежной политикой, сколько с проблемами жизни молодежи, которые представляются журналистам более рейтинговыми (наркомания, рост уровня преступности, трудоустройство), чем освещение

деятельности административных органов. В некоторых регионах власти пытаются привлечь внимание журналистов к своей работе, объявляя конкурсы на лучшее освещение реализации молодежной политики (Республика Башкортостан, Саратовская область). Также необходимо отметить, что материалы о ГМП (государственной молодежной политике) появляются в СМИ в первую очередь с подачи администрации, а не как самостоятельный журналистский материал. В то же время, если говорить об интересе СМИ к молодежи в политике, то «цветные революции», а также отдельные громкие акции молодежных объединений и происшествия с участием молодых, порождают множество публикаций и дискуссий с привлечением экспертов из политики и академических кругов.

Стратегия государственной молодежной политики

Попытки концептуально осмыслить государственную молодежную политику предпринимались соответствующими инстанциями неоднократно. Одним из основных документов, направленных на регулирование молодежной политики в России, потенциально является «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на период 2006–2016 годы», разработанная в Министерстве образования и науки РФ. После того, как проект «Стратегии» был одобрен коллегией Министерства образования и науки 17 августа 2005 года, он, по предложению создателей этого документа, был вынесен на обсуждение общественности, что привело к широкому резонансу. Публичные обсуждения и круглые столы проходили как в Москве, так и во многих регионах России.

С одной стороны, создание подобного документа важно хотя бы потому, что его основные положения становятся своего рода форматом для разработок молодежной политики на региональных уровнях. Если учесть, что на протяжении последних пятнадцати лет не было выработано более или менее четкого видения общей направленности молодежной политики в России, ее целей и задач, то актуальность документа еще более очевидна. С другой стороны, нынешняя «Стратегия» – документ очень противоречивый, и не дает ответов на те многочисленные вопросы, которые встают в процессе формирования политики на местах. Во время публичного обсуждения «Стратегии» было представлено огромное количество как позитивных, так и негативных отзывов [По материалам... 2006]. Одни обвиняют документ в отсутствии хорошей аналитической базы и сочетании взаимоисключающих подходов, другие считают, что открытость этого документа для обсуждения была «для галочки», а замечания и дополнения совершенно не были учтены создателями документа. В то же время практикам важен сам факт того, что такие вопросы обсуждаются в правительстве, и делаются попытки принять документ, определяющий деятельность различных организаций в этом направлении [Молодежная активность... 2006].

Одна из главных ошибок «Стратегии» заключается, на мой взгляд, в том, что в ней молодежная политика рассматривается в отрыве от развития всего российского общества. Так, например, исключительно в молодежном контексте описываются преступность, рост заболеваемости инфекциями, передающимися половым путем, уровень безработицы и другие вопросы, тем самым создается впечатление, что эти проблемы касаются только молодежи. Большая, аполитичная, криминальная и безработная молодежь, если следовать логике создателей «Стратегии», является явной социальной проблемой, требующей скорейшего решения. В то же время такая ситуация совершенно противоречит планам и надеждам государства, связанным с молодым поколением. Авторы «Стратегии» прямо говорят, что Россию ждет непростое будущее, и молодежь – единственная сила, способная взять на себя ответственность за нормальное жизнеобеспечение всего населения и спасти страну от демографического и экономического кризиса. Вот как отражается эта мысль в тексте документа:

Весь комплекс проблем и противоречий, с которыми столкнется Россия в ближайшее десятилетие, формирует достаточно жесткий набор требований к новым поколениям. Стремительное старение населения и неблагоприятные демографические тенденции заставят общество уже в ближайшем будущем предъявить к сегодняшним 10–25-летним жителям страны повышенные требования: молодежь станет основным трудовым ресурсом страны, ее трудовая деятельность, в большей степени, чем ее родители, станет источником средств для социального обеспечения детей, инвалидов и пожилых поколений [Проект Стратегии... 2006].

Масштабы обозначенных проблем и перспективы их решения заставляют авторов документа мыслить стратегически и ставить такие задачи, реализация которых необходима в контексте государственного подхода. Однако восприятие молодежи как ресурса и пассивного объекта государственной политики весьма непродуктивно.

Подобный подход был в каком-то смысле обоснованным, например, во время Великой Отечественной войны. Политика советской власти по отношению к молодежи в то время, несмотря на весь ее эксплуататорский и антигуманный характер, была системной, опиралась на ценности и цели, легко прочитываемые и воспринимаемые молодежью. На эту группу возлагалась миссия по спасению и построению «светлого будущего» великой страны. Политика проводилась таким образом, что молодежь четко осознавала возложенную на нее ответственность, гордилась ей, была готова жертвовать своим сегодняшним днем во благо будущего. Несмотря на всю пафосность советской молодежной политики, она тем не менее представляла собой структурированную, грамотно построенную и в результате этого эффективную систему.

В современной ситуации отсутствия адекватных механизмов такой деятельности использование старых пионерско-комсомольских методов

совершенно нерезультативно. Ценности постсоветских поколений формировались хаотично, вне какого бы то ни было государственного вмешательства, поэтому они остаются вне компетенции чиновников местных и федеральных администраций. Получается, что молодежная политика ведется «вслепую», без опоры на реальные потребности молодежи. Нежелание учитывать реалии жизни современной молодежи, которая отказывается принести себя в жертву государству и «работать на будущее», приводит к тому, что «Стратегия» и инициативы, связанные с ней, остаются вне молодежного внимания, интереса и самостоятельных практик.

Наука и власть: кто кому действительно нужен?

Злободневность темы молодежной активности вызвала интерес большого числа экспертов: ученых, работников администраций, общественных деятелей. Все они не просто имеют свой собственный взгляд на происходящее, но и открыто транслируют его через СМИ. Подобный плюрализм позиций соответствует демократическим принципам свободы слова и нужен для формирования многоголосого информационного поля обсуждения вопросов, затрагивающих жизнь современной молодежи. Но возникает вопрос: откуда так много компетентных специалистов по работе с этой весьма сложной и противоречивой группой? Чтобы стать экспертом, например, в производственных вопросах, необходимо как минимум иметь соответствующее образование и желательно не один десяток лет проработать в этой сфере. В то же время считается, что общественно-политические вопросы, в том числе связанные с молодежью, может обсуждать практически любой мало-мальски образованный человек, меняя сферы своей компетенции в зависимости от их актуальности. Подобный синдром «знатоков молодежи» характерен и для чиновников. Мне могут возразить, что разносторонние дискуссии на публичных переговорных площадках – это нормальное явление для общества, претендующего на высокую степень гражданской сознательности. Но не все так просто.

Одним из факторов, ограничивающих эффективность молодежной политики, являются структурные условия: сложно говорить о наличии компетентных специалистов при отсутствии соответствующей вузовской подготовки. Кадровый состав современных комитетов по молодежной политике и делам молодежи – это люди, отличившиеся в управлении или «выдвинутые» из числа организаторов молодежи, чаще всего – в сфере досуга. Вряд ли они могут самостоятельно сформировать эффективную молодежную политику, владея техниками организации игр местных КВН-команд или скоростного продвижения по служебной лестнице городских или областных администраций.

Потребность в дипломированных специалистах по работе с молодежью появилась в России совсем недавно. Современное понимание этой новой про-

фессии значительно отличается от традиционного. Последнее подразумевало подготовку специалистов какого-то узкого профиля (психологов, педагогов, социальных работников, врачей, работников Комитета по делам несовершеннолетних), работающих с «проблемной» молодежью в рамках своей профессии. Требования, предъявляемые к современному специалисту по работе с молодежью, выглядят по-другому. В первую очередь такой человек должен уметь самостоятельно и грамотно оценивать важность тех социальных и политических процессов, которые происходят на федеральном и региональном уровнях, разбираться в особенностях и тонкостях социальной политики и, самое главное, понимать роль и место молодежи в этой системе. В некоторых российских вузах уже открываются подобные кафедры. Но пока это лишь единичные попытки, которые не в состоянии удовлетворить кадровый голод административных структур, работающих с молодежью.

Складывается система, которую нельзя назвать удачной. Многочисленные эксперты по делам молодежи, комментаторы, имеющие доступ в СМИ, получают возможность самостоятельно выбирать так называемые «рейтинговые» темы для своих выступлений и ток-шоу. Фокус актуальности давно известен: это сенсационные и скандальные материалы, которые будут обсуждаться возмущенной общественностью до следующего информационного повода. Список сенсационных тем расширился. К «традиционным», таким как наркомания, преступность, безработица, гиперсексуальность и моральная испорченность, добавились новые темы: опасные формы политической и общественной активности, выражающиеся чаще всего в агрессивном, неконтролируемом поведении. Бесконечные обсуждения таких «девиаций» приводят, в свою очередь, к формированию моральных паник, касающихся отдельных групп молодежи. Подобным настроениям поддаются и представители административных структур. Определяя направления и инструменты молодежной политики на местах, они часто забывают, что она не должна ограничиваться решением исключительно тех проблем, которые пугают общественность. Эффективность такой деятельности напрямую зависит от владения информацией о реальных проблемах, волнующих молодежь. В ином случае политика остается на уровне формальных мероприятий, не имеющих к самой молодежи никакого отношения, воспринимаемая ее большинством как нечто далекое, чуждое, «государственное», а значит – не вызывающее доверия и интереса.

Традиционной ошибкой в работе комитетов по делам молодежи было ограниченное понимание молодежи как гомогенной группы со строго (и постоянно) определенным набором интересов и проблем. Сотрудники (чиновники) администраций сами, опираясь исключительно на собственные субъективные представления, формировали проблемную повестку дня и определяли инструменты и методы работы с молодежью, что приводило к достаточно ограниченному эффекту. В первую очередь к молодежи относили школьников и учащихся средних и высших учебных заведений, для которых

организовывался стандартный набор мероприятий: соревнования спортивных или КВН-команд, проекты досугового характера, акции по прививанию неких ценностей (например, патриотических или экологических), в большинстве своем построенные на принципах, заимствованных из советских методов работы. При таком подходе молодежь, уже получившая образование или вообще оказавшаяся за бортом образовательной системы, практически не учитывалась как объект молодежной политики.

«Нормой» было заранее «знать» о проблемах и интересах молодежи. Если кем-то и проводятся социологические исследования, то, во-первых, как некий эксклюзив, и, во-вторых, они направлены порой только на самые проблемные, с точки зрения соответствующих ведомств, аспекты: такие как, например, «нездоровый» образ жизни. Подобные попытки «разобраться» с молодежью «на глазок» приводили к амбивалентным результатам. С одной стороны, никто не располагал данными, позволяющими представить хоть какую-то общую картину молодежной жизни: ее реальные проблемы, ценности, стратегии, образы успеха и будущего. С другой стороны, чрезмерное акцентирование нелегитимных форм поведения, трактовка их как заведомо отрицательных, а не самоценных явлений в жизни молодежи, закрепляло проблемный портрет молодежи как группы.

Подобное положение было характерно и для Ульяновской области – других данных, кроме небольших отчетов об уровне наркомании или преступности, не было. Помимо всего и эти немногочисленные исследования проводились с нарушением социологической этики и методологии, что приводило к искаженному представлению о реальной картине. Так, несколько лет назад к сотрудникам НИЦ «Регион» обратились за консультацией представители Прокуратуры Ульяновской области (с уже готовой, «спущенной сверху» анкетой). Целью исследования была оценка уровня наркотизации местной молодежи. В ходе диалога ученых и представителей властных структур выяснилось, что опрос проводится самими сотрудниками правоохранительных органов, «находящимися при исполнении». В анкете требуется указать адреса и телефоны друзей и знакомых, употребляющих наркотики, а также контактные данные людей, которые занимаются поставками наркотических средств. Нетрудно догадаться, почему по результатам этого опроса уровень наркомании в области был признан практически нулевым: школьники и студенты заполняли подобные анкеты под контролем людей в погонах. Эти данные совершенно не соответствовали реальной картине наркотизации молодежи Ульяновской области [Омельченко, Гончарова, Кремнева и др., 1999].

Подобное отношение к социологии и социологам довольно типично. Многие чиновники полагают, что могут самостоятельно сформулировать несколько вопросов анкеты, придумать к ним альтернативы, а потом, используя имеющиеся полномочия, провести опрос. Обработка полученных результатов (например, банально высчитать проценты для составления

отчета), по их мнению, также не требует особой квалификации. Такое отношение приводит к созданию далеких от действительности артефактов, основанных на данных непрофессиональных исследований. С одной стороны, формируются и воспроизводятся мифы и стереотипы, провоцируются необоснованные моральные паники вокруг одних явлений. С другой стороны, игнорируются проблемы, которые действительно существуют и требуют быстрого и компетентного решения. В результате, руководствуясь пресловутым «общественным мнением» в вопросах формирования молодежной политики и фактически не имея иммунитета против сенсационно-проблемного подхода, чиновники не владеют объективным знанием и, следовательно, пониманием того, что на самом деле происходит с молодежью. Однако это не избавляет их от обязанности определять ход молодежной политики в регионах.

С 2005 года ситуация с молодежной политикой в Ульяновской области меняется в лучшую сторону. Перед тем как начинать работать в полную силу, руководством Комитета по молодежной политике было принято решение определиться с проблемными точками, выяснить наиболее актуальные направления работы. Для этого было проведено полномасштабное социологическое исследование «Портрет молодежи Ульяновской области: проблемы и перспективы», которое помогло сформировать представление о местной молодежи.

По словам председателя Комитета по молодежной политике Ульяновской области Ольги Куракиной, для эффективной работы необходим был «срез жизни молодежи Ульяновской области, яркая и понятная формулировка проблем, на решении которых необходимо основывать молодежную политику». Целью научной работы стало детальное описание объекта исследования и подготовка на этой основе аналитических материалов для формирования региональной молодежной политики. Исследование проводилось по следующим тематическим блокам: социально-экономическая стратификация молодежи, жизненные планы и ценностные ориентации, позиция молодежи на рынке труда и образования, брачное и репродуктивное поведение, отношение к проблеме здорового образа жизни, анализ культурных идентичностей, национально-этнические и религиозные установки, а также идейно-политические взгляды молодых и их общественная активность. Информационную базу составили массовый анкетный опрос, фокус-группы и опрос отдельных групп молодежи. Помимо описания общего портрета ульяновской молодежи, одной из ключевых задач исследования являлась оценка молодежного экстремизма. Для ее проведения были выбраны два аспекта: один касается проявлений политического экстремизма, второй – национального и этнического.

Первая часть исследования была направлена на то, чтобы получить общее представление об ульяновской молодежи и дать ответы на такие общественно и экономически значимые вопросы, как чрезвычайно высокий

процент миграции местной молодежи в более крупные города и столицы, выяснить местные особенности демографической ситуации, получить примерный культурно-стилевой и национально-этнический портрет молодежи. Вторая часть, посвященная молодежному экстремизму, была ориентирована на проверку истинного положения дел с «модной» темой, вокруг которой разворачиваются сегодня дебаты и дискуссии, и формируются моральные паники.

Разная молодежь – разные решения

Одна из главных ошибок традиционного «проблемного» подхода к восприятию молодежи – понимание этой группы как единой и гомогенной, отличающейся от всего остального населения лишь некоторыми психологическими и социальными особенностями поведения, обусловленными возрастом. Несмотря на распространенность подобной точки зрения не только в административных, но и в академических кругах, постепенно приходит осознание того, что такой взгляд не соответствует реалиям жизни молодежи. Разность молодежных практик необходимо учитывать при планировании и составлении стратегии молодежной политики. Получив результаты столь масштабного исследования, ульяновские чиновники постепенно приходят к пониманию, что молодежь отличается не только социально-демографическими характеристиками, но и восприятием общей политической ситуации в области, культурными практиками, жизненными стратегиями и целями. Все это важно знать и учитывать при формировании эффективной молодежной политики на территории одного региона или всего государства.

Можно выделить, пусть и условно, «активные» и «пассивные» группы молодежи в отношении к проводимой молодежной политике. Каждая из них обладает своими определенными особенностями, в том числе и демографическими. Например, оказалось, что юноши и девушки, не имеющие еще своих семей, намного активнее проявляют себя в социально значимой деятельности. Данный показатель не зависит от характера и сферы активности: это может быть и участие в политических партиях, и организация спортивных соревнований. Данные глубинных интервью с лидерами молодежных политических объединений подтверждают эту тенденцию: по мнению информантов, «костяк движения» составляют молодые ребята от 17 до 21 года, которые еще «не обременены бытовухой». Когда же молодые люди обзаводятся собственными семьями, происходит переориентация на другие ценности и цели. Это приводит либо к полному отказу от общественной работы, либо к изменению ее характера в сторону меньшей включенности в активные практики. Вторая волна активности наблюдается у некоторых молодых после того, как их детям исполняется 6 лет. Чаще всего они включаются в работу профсоюзов, родительских комитетов и других организаций, отвечающих их новым интересам. Таким образом, одним из факторов, влияющих

на желание принимать участие в общественной деятельности, является наличие собственной семьи, которая на какое-то время ограничивает возможность реализовать эту потребность.

Стоит отметить, что активность молодежи к 25–30 годам заметно снижается. Как правило, после 25 лет люди преодолевают трудности, связанные с получением образования и поиском работы, что дает им чувство защищенности и снижает стимул участия в разного рода гражданских активностях. В какой-то степени прослеживается зависимость характера активности молодых от их материального обеспечения. Обладание более или менее серьезными материальными ресурсами в некоторых случаях позволяет добиваться поставленных целей; особенно это утверждение актуально, когда мы говорим об организаторах и участниках подростковых и молодежных клубов, представителях общественных организаций и клубов молодых лидеров. Есть такие формы активности, участвовать в которых предпочитает малообеспеченная молодежь, например в экологических движениях по охране природы. Отчасти это объясняется разностью первоначальных посылов: в одном случае общественная активность рассматривается как путь самореализации, в другом – как ресурс продвижения по социальной лестнице.

В то же время подобные характеристики не влияют, например, на отношение к перспективам развития области и на оценку эффективности коммуникации действующей власти и молодежи. Молодежь, ориентированную на активную общественную жизнь, отличает общая удовлетворенность своим образом жизни и оптимистичное отношение к будущему. Большинство из них положительно оценивает работу действующих органов власти и считает, что Ульяновская область развивается по перспективному пути. Заметно отличаются те, кто ориентирован на разные виды активности. Так, молодые люди и девушки, включенные в работу политических партий, более критично оценивают работу губернатора, и хотя они считают, что мнение молодежи им учитывается, в то же время полагают, что она не играет важной роли в его политике. Кроме того, эти молодые люди активно поддерживают идею создания в области молодежного правительства и молодежного парламента.

В целом исследование подтвердило существующее мнение о некоторой аполитичности современной молодежи. Однако недостаточный интерес молодых к политике нельзя назвать отрицательной чертой. Отсутствие доверия к власти является скорее следствием определенной государственной политики. Молодежь не интересуется политикой не потому, что пассивна, а потому, что в большей степени ориентируется на другие сферы деятельности (в частности, культурную или спортивную).

Результаты исследования показывают, что так называемая «пассивная», не включенная в общественные инициативы молодежь, не реализует свой потенциал в полной мере. Так, количество юношей и девушек, не имеющих опыта участия, составляет 46 %, при этом только 26 % в принципе не хотели бы иметь отношение к общественным проектам. Нежелание

принимать участие в социально значимой деятельности связано, во-первых, со спецификой жизненных условий (профессиональная занятость, брак, наличие детей), во-вторых, с личными проблемами, решение которых выходит на первый план (сюда в первую очередь относится низкий уровень дохода). Общий уровень неудовлетворенности приводит к пессимистичным взглядам на жизнь. Среди представителей этой группы самый высокий процент тех, кто считает, что область идет по неправильному, неперспективному пути развития. Также эта группа считает, что молодежь не играет никакой роли в политике, и мнение молодежи действующей властью совершенно не учитывается.

Довольно распространенным является мнение о том, что «пассивную» молодежь совершенно невозможно привлечь к какой-то активности. В то же время исследование показывает, что потенциал этой молодежи практически не используется. Зачастую отказ участвовать в общественных инициативах не является принципиальной позицией, просто юноши и девушки не знают, как использовать свое желание действовать. Невозможно всю молодежь заставить заниматься общественной работой. Думается, что заведомо негативная оценка «пассивности» молодежи является пережитком советской эпохи, когда к молодежи обращались с позиции ее «долга перед обществом». «Активная» молодежь, включенная в работу пионерских и комсомольских отрядов, олицетворяла надежду партии и, что важно, была легко контролируемой. Юноши и девушки, по каким-то причинам не занятые в этих структурах, были скорее исключением, воплощением антисоциального, а значит опасного отклонения. «Пассивная» молодежь, в силу своей невидимости (незаметности) в общественной жизни, пугает чиновников и политиков своими скрытыми возможностями и интересами.

О методах работы с «пассивной» молодежью рассказывает лидер Комитета по молодежной политике Ульяновской области:

Наша основная задача здесь – добиться так называемого «эффекта волны», когда работа с небольшой группой юношей и девушек за счет коммуникации внутри самой молодежи оказывает влияние на других людей, не занятых в общественных проектах.

Этот подход можно рассмотреть на конкретном примере. В мае 2006 года была проведена Международная молодежная ассамблея национальных культур. Эта ассамблея ставила перед собой задачу не просто провести знакомство культур и демонстрацию друг другу творческих достижений. В связи с актуальностью вопроса развития толерантности в молодежной среде, одной из главных целей мероприятия было сформировать информационное пространство, в котором можно было бы обсудить темы межэтнической коммуникации. Участниками и посетителями Ассамблеи была молодежь, которая уже толерантна и адекватно воспринимает значимость и ценность других культур, поскольку активно включена в собственные национальные практики. Те же, кому не свойственна толерантность, практически не по-

пали на это мероприятие. Следовательно, основная идея заключалась в том, что именно молодежь, которая уже заинтересована и является компетентной в этой теме, будет создавать вокруг себя мини-сообщества, в которые так или иначе включатся и представители группы «пассивной» молодежи, потому что, несмотря на разность, они не изолированы друг от друга.

Еще один пример использования тактики «эффекта волны» – Форум молодежи Ульяновской области, проведенный в сентябре 2005 года. Ольга Куракина рассказывает о нем:

В нем приняли участие представители администраций, общественные деятели, работники культуры, представители городской и сельской, работающей и учащейся молодежи. Это была первая попытка наладить конструктивный диалог молодежи и власти, спросить молодежь о ее проблемах, привлечь к формированию реальных программ молодежной политики.

Одной из главных предпосылок к проведению Форума стала гипотеза о том, что решение проблем молодежи лежит не только на плечах государства. Очень многое зависит от самого общества. Одна из главных идей мероприятия, которую представители администрации попытались донести до молодежи, заключалась в том, что пока молодежь сама не научится решать свои проблемы или хотя бы твердо заявлять о них, ее положение не изменится. После этого события, собравшего около 2 тыс. человек со всей области, подобные акции начали организовываться и в отдельных районах. По словам Ольги Куракиной, после этой встречи работники администраций в районах области поняли, что «это реальная возможность наладить диалог и прийти к конкретным решениям».

Кроме того, «волну» после первого форума можно рассматривать и как опровержение некоторых стереотипов о том, что молодежь – это абсолютно пассивная группа, инфантильная и апатичная, руководствующаяся в жизни исключительно гедонистическими мотивами. Результаты исследования «Портрет молодежи Ульяновской области» подтвердили ошибочность такого восприятия. Напротив, молодежь готова к активной общественной деятельности, но не всегда находит поддержку, и ей непросто определить сферу применения своих сил и способностей. Современные юноши и девушки в достаточной мере амбициозны и профессионально ориентированы для того, чтобы сыграть в истории развития страны значимую роль. С такой аудиторией невозможно вести политику «ради галочки» и отделяться стандартным набором мероприятий на красные дни календаря.

Комитет по молодежной политике – административная фикция или реальная сила?

Несмотря на такую активную политику, действия нынешнего Комитета не решают тех проблем, которые сами молодые люди называют наиболее актуальными – жилье и работа. В Ульяновской области уровень миграции

молодежи один из самых высоких в России. Главная причина – отсутствие рабочих мест, которые могут дать возможность молодым вести достойный образ жизни. Очевидно, что силами одного Комитета по молодежной политике проблему безработицы даже «в отдельно взятой» молодежной среде решить невозможно. До сих пор практически единственным методом работы в этом направлении были традиционные действия через центры занятости, дающие молодежи сезонную или постоянную занятость. Но они не в состоянии удовлетворить потребностей всей молодежи. Поэтому многие безработные юноши и девушки вынуждены уезжать в другие регионы, где экономическая ситуация более благополучна.

Для исправления ситуации с молодежной безработицей необходимо создавать новые рабочие места, но принятие таких решений уже вне компетенции Комитета. Оценка молодежи как практически единственной силы, способной обеспечить будущее региона и страны, не является оригинальной. Действительно, проблемы, обозначенные в Стратегии государственной молодежной политики РФ, придется решать молодежи, как нынешней, так и будущей. Но невозможно заставить молодежь сделать это на основе патриотической или другой альтруистской мотивации. Сейчас представители молодых сил утверждают, что государство заинтересовано в них только как в ресурсе для обеспечения будущего страны. Государство, у которого молодежь «требует» получения качественного образования, жилья и рабочих мест, обвиняет молодежь в меркантильности, возрождении в молодежной среде патерналистских настроений, излишнем потребительстве, говоря о «пережитках недостроенного социализма».

Политика правительства Ульяновской области не противоречит тому, что написано в Стратегии государственной молодежной политики. Никто сегодня не отрицает, что молодежь является важным экономическим и политическим ресурсом, который, кроме того, не сможет заменить никакая другая группа населения. Постепенно приходит осознание того, что жизнь и будущее региона целиком и полностью зависят от того, захотят ли вчерашние школьники и студенты остаться в области. В то же время, не скрывая своего интереса к молодежи, местная администрация понимает, что никакие отношения должностования или жертвенности в современной ситуации невозможны. Для того чтобы молодежь осталась, недостаточно сказать ей, что она должна поднимать экономику и спасать родной край. Молодежи необходимо создать условия, в которых она могла бы развиваться и нормально жить. И это одна из важнейших предпосылок снижения уровня миграции.

Важно и осознание того, что молодежная политика не является изолированной задачей или направлением, она тесно вплетена во всю остальную политическую и экономическую ситуацию в регионе. Несмотря на то, что, несомненно, административные ресурсы представляют центральную силу, ответственную за решение социально-экономических проблем в области, к решению острых вопросов активно привлекаются и представители других

сфер деятельности. Одним из инструментов такой разносторонней политики является объявленный губернатором Ульяновской области Год молодежи. Основным объектом этой масштабной акции, конечно, является сама молодежь, но кроме нее в этот проект включаются совершенно разные силы, начиная от общественных деятелей и заканчивая представителями бизнеса.

С одной стороны, это уникальная возможность показать молодежи, что она самая мобильно и креативно мыслящая группа, которая сейчас получает шанс прийти со своими инициативами и заявить о себе. С другой – это только часть поставленных и уже реализуемых целей Года молодежи. Этот проект, по мысли идеологов, работает и на формирование ценностей развитого гражданского общества на территории отдельно взятого субъекта Федерации. По мнению ульяновских чиновников, невозможно развивать молодежную политику в отрыве от общей социально-политической ситуации. Необходимо показать различным структурам, в том числе и бизнес-объединениям, действующим на территории региона, что на молодежь нужно не просто обращать внимание, а ей нужно помогать. И ресурсы, которые находятся в тех или иных сферах, направлять в том числе и на решение наиболее важных молодежных вопросов.

Подобная политика реально разрушает многие стереотипы, существующие в обществе по отношению к некоторым субъектам. Так, активное включение в события Года молодежи групп, которые традиционно считались общественно-пассивными и равнодушными, в том числе аполитичной и инфантильной молодежи и замкнутых на собственных интересах бизнесменов, уже в какой-то мере способствует развитию принципов гражданского общества в Ульяновской области. Нельзя сводить смысл молодежной политики к банальному решению бытовых проблем. В Ульяновской области Комитет по молодежной политике, помимо решения традиционных задач с трудоустройством молодежи, сейчас рассматривает свои функции несколько шире. И несмотря на то, что самостоятельно он не может создать в нужном количестве новых рабочих мест и построить несколько микрорайонов для расселения всех нуждающихся, по крайней мере, он не должен ограничиваться спортивными межвузовскими состязаниями и акциями по воспитанию патриотических чувств. Оказалось, что в силах этой структуры создавать и развивать в обществе новые стандарты по отношению к молодежи и не только к ней.

Несомненно, пока подводить итоги работы нового комитета рано. Год молодежи сейчас в самом разгаре, по окончании этого периода планируется провести еще одно исследование, которое позволит оценить эффективность этого нестандартного хода в молодежной политике. Пока готовилась статья, стало известно, что 2007 год объявлен Годом молодежи в Приволжском федеральном округе. В то же время нельзя не учитывать региональные политические и социальные особенности. На мой взгляд, сейчас и для идеологов, и для практиков молодежной политики важно не удариться в поиск нового

единого шаблона, по которому удастся эффективно работать во всех регионах. Грамотную политику можно построить только на постоянном мониторинге ситуации с молодежью и компетентной позиции руководителей.

Список литературы

Гаврилов Ю. Материалы к семинару «Молодежь и политика». Ульяновск: Центр «Регион», сентябрь 2005 (рукопись).

Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999.

Концепция государственной молодежной политики в Российской Федерации. М.: Правительственная комиссия по делам молодежи, 2001.

Молодежная активность: от «пофигизма» к экстремизму. Информационный бюллетень «Поколения.net». Ульяновск: УлГУ; Центр «Регион», 2006.

Омельченко Е. Л., Гончарова Н. В., Кремнева Н. Ю. и др. Подростки и наркотики. Ульяновск: УлГУ, 1999.

По материалам дискуссии, посвященной обсуждению проекта Стратегии государственной молодежной политики в РФ на 2006–2016 годы // Агентство социальной информации / <http://asi.org.ru/ASI3/main.nsf/0/0524DB2D7B279965C32570AD00567468>. Дата публикации: 2.11.2005, дата обращения: сентябрь 2006.

Проект Стратегии государственной молодежной политики Российской Федерации / Министерство образования и науки РФ. М., 2006.

Российская молодежь: проблемы и решения / Центр социального прогнозирования. М., 2005.

Елена Андреевна Балакирева
PR-менеджер научно-исследовательского центра «Регион»,
Ульяновск
электронная почта: l_balakir@mail.ru
